

опалы и заточения Пселла в монастырь Та Narsou, якобы имевшим место сразу после прихода к власти Константина Дуки в 1059 г. (см. стр. 52). Простая проверка источников, на которые ссылается недавно умерший исследователь, показывает необоснованность этого утверждения².

Однако именно использование источников — наиболее уязвимое место рецензируемой книги. «Хронография», разумеется, цитируется много и часто, но подавляющее большинство речей, писем, трактатов Пселла не приводится даже в списке литературы. Такой важнейший памятник, как «Эпикомий матери», цитируется из вторых рук. Дело тут, видимо, не в простой неосведомленности автора, А. Гадолину «принципиально» не нужны никакие другие источники, помимо «Хронографии». Сведениям и взглядам, содержащимся в историческом сочинении Пселла, он доверяет абсолютно и не испытывает потребности в коррекции их другими источниками, хотя в византийском средневековье вряд ли найдется другой столь же противоречивый и непостоянный в своих суждениях автор, как Михаил Пселл.

Одни из суждений автора книги представляются нам справедливыми, другие — спорными, третьи — неверными, но почти все они одинаково бездоказательны. Если бы А. Гадолин даже оказался прав во всех частностях, его основной вывод о полной зависимости идей «Хронографии» от античности не мог бы считаться правомерным: неоригинальность элементов, из которых строится «Хронография», — отнюдь не доказательство неоригинальности произведения в целом, кирпичи разрушенного здания могут, как известно, быть прекрасным материалом для новых построек. Античные элементы нередко используются в Византии в новом контексте и функционируют в ином качестве.

В большинстве случаев мы не касались сути основных положений книги, обсуждение поставленных проблем увело бы нас далеко за рамки рецензии. Мы старались показать только недостаточность основного метода авторской аргументации.

Книга А. Гадолина может служить в некоторых своих частях сводкой данных «Хронографии» о тех или иных сторонах общественной жизни Византии XI в. Этим, по нашему мнению, ограничивается ее значение.

Я. Н. Любарский

F. H. Tinnfeld. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates.
München, 1971, S. 205

Сквозь четкие строки, писанные рукой средневекового каллиграфа, неясно проступает портрет императора Фоки (602—610). Свинцовая печать, на которой он изображен, сохранила для нас в обобщенном, стилизованном виде внешний облик василевса, прославившегося своей жестокостью. О делах же его, вернее лишь о толике кровавых деяний Фоки, рассказывает небольшой лист пергамента, воспроизведенный вместе с моливдовулом на обложке книги Ф. Тиннефельда — фрагмент из «Сокращенной истории» Иоанна Зонары (первая половина XII в.). Впрочем, не только государи, стяжавшие, подобно Фоке, славу тиранов, но и более умеренные в своих поступках василевсы ромеев не избежали зачастую суровой критики современников или потомков. Что порождало критику в каждом конкретном случае, в какие формы она облекалась, — об этом книга западногерманского византиниста.

Уточняя во введении тему и объем монографии, Ф. Тиннефельд сразу же оговаривается: для изучения элементов критики привлекается только историческая литература, памятники иных жанров рассматриваются в порядке исключения (стр. 12). Исследование охватывает эпоху с VI до начала XIII в., от Прокопия до Никиты Хониата. Что же касается выбора источников, то он ограничен не только жанром: для решения поставленной перед собой задачи Ф. Тиннефельд использует сочинения византийских историографов и хронистов постольку, поскольку они дают существенный для его темы материал. Из компиляций во внимание принимаются лишь те, которые «сохранились полностью и до известной степени самостоятельны или, по крайней мере, передают значительную часть утерянных первоисточников» (стр. 14). Таким образом, в книге не учитываются «Хронография» Иоанна Малалы, «Пасхальная хроника», «Сокращенное изложение» Иоанна Киннама, «Хроника» Михаила Глики, «Историческое обозрение» Константина Манасии и ряд анонимных хроник IX в.

На первый план при анализе выдвигается вопрос о категориях критики императоров, при этом внимание исследователя обращено не столько на негативные факты как таковые, сколько на те побуждения, интересы, представления, которые порождали в течение столетий критику византийских автократоров. Из буквального смысла (aus dem Wortlaut) критики и ее контекста, а также с помощью известных биографических данных пытается Ф. Тиннефельд выяснить мотивы, вызывавшие к жизни критические замечания византийских историков (стр. 12). Византинист ищет ответ на по-

² См. наши замечания: ВВ, 34, 1973, стр. 77—78.

ставленный им вопрос в характере византийского общества, стремится выявить социальные корни критики императоров — одного из существенных и относительно хорошо сохранившихся элементов идеологии оппозиции. Среди причин, побуждений (Anliegen) критики Ф. Тиннефельд выделяет прежде всего ее социальную обусловленность: социальное положение автора, его сословную принадлежность. Разумеется, от писателя к писателю, от эпохи к эпохе реальное содержание этих категорий изменялось: например, критика Юстиниана I (527—565) Прокопием объясняется положением историка в армии Велисария (стр. 19—20), особым интересом к судьбам сенаторского сословия (стр. 23—24), в то время как порицание того же императора Евагрием Схоластиком, кроме сходных с мотивами Прокопия моментов (стр. 44—45), включает в себе и критику императора с позиций антиохийского патриарха (стр. 45—46). Тем не менее, и это очень важно, сознание первостепенности роли социальной мотивированности критики, будь то принадлежность Никиты Хониата к аристократии (стр. 160—163) или положение Михаила Пселла при императорском дворе (стр. 125—131), не покидает Ф. Тиннефельда. Исследователь не ограничивается общими социальными характеристиками (происхождение, принадлежность к сословию, положение в административной системе), он идет дальше, пытается, хотя бы приблизительно, обозначить границы социальных групп, объединенных, к примеру, общностью настроений. Так появляется столь немаловажная в критике императоров категория, как критика «уставшего от войн поколения» в главе о Никифоре и Феофане (стр. 58—59). Можно спорить о том, насколько справедливо причисление к этому социальному слою одновременно и Никифора и Феофана, но правомерность самой попытки вычленил в византийском обществе конца VIII — начала IX в. такого рода социальную группу не вызывает сомнений.

Мы не найдем в монографии специального раздела, посвященного месту идеологии в критике императора, но важность идеологического момента в критике осознается Ф. Тиннефельдом. Мы постоянно сталкиваемся с категориями этого плана: критический взгляд Прокопия на православие (стр. 27—28) и, наоборот, критика Юстиниана I с позиций православия Евагрием Схоластиком (стр. 45), критика императоров-иконоборцев иконопочитателями (стр. 61—69), религиозная позиция Никиты Хониата и его христианская гуманность (стр. 161—171), сознание превосходства ромей над варваром у историков от Прокопия (стр. 26—27) до Хониата (стр. 163—166) с заметным ослаблением этого чувства превосходства у Михаила Пселла (стр. 130) и т. д.

Важны для западногерманского византиста и художественные средства, используемые византийскими авторами в критике императоров (стр. 12), хотя, как подчеркивает сам Ф. Тиннефельд, постановка проблемы в его работе носит скорее исторический, чем литературно-исторический характер (стр. 13). И все же автор не обходит молчанием эту сторону вопроса: выделяются «общие места» диффамации императора у Прокопия (стр. 29—33), отдельно рассматривается риторическая фигура «псого» у того же историка (стр. 33—35), прослеживается влияние Прокопия на характер критических высказываний Агафия (стр. 37—39), появление новых категорий у Евагрия Схоластика — «метафизическое равенствие» (стр. 48). С точки зрения историка литературы важны наблюдения Ф. Тиннефельда над критикой императора Михаила III (842—867), литературный портрет которого создан под влиянием античных образцов (стр. 98—101).

Обращает на себя внимание исследователя остроумие, ирония и сатира такого большого художника и стилиста, как Михаил Пселл (стр. 131—134). В этом отношении беднее глава о Никите Хониате, где из стилистических приемов фигурирует только сравнение (стр. 177—179). Да и сама категория сравнения представлена у Ф. Тиннефельда схематично: византист отмечает лишь ее присутствие в критике Прокопия (стр. 31), Феофана (стр. 81—72), Хониата, не ощущая при этом качественных изменений внутри категории. У Прокопия император сравнивается с ослом, с чумой, с явлениями конкретной действительности; сравнения Феофана (с библейским Фараоном, Мидасом, Иудой) — иного свойства, они лишают предмет конкретности, нивелируют в нем частное и подчеркивают общее. Одно и то же традиционное сравнение (с кораблем, попадающим в бурю) у Михаила Пселла и Никиты Хониата употребляется по-разному, с разной эмоциональной нагрузкой: оптимистической у Пселла (корабль благополучно достигает гавани) и пессимистической у Хониата (корабль разбивается).

Ф. Тиннефельд сосредоточил внимание на изучении специфического в критике императоров (стр. 13), оставив тем самым вне поля зрения стереотипы диффамации императоров,¹ важность привлечения которых диктуется не только интересами историко-литературоведческого порядка (роль традиции в истории византийской литературы), но и тем, что в этих стереотипах, клише отложился многовековой пласт византийской официальной идеологии. Не надо далеко ходить за примерами, чтобы показать продуктивность такого подхода к изучению памятников: соплемясь хотя бы на работу Г. Хунгера об элементах Kaiseridee в преамбулах византийских грамот¹.

¹ H. Hunger. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Prooimion. Wien, 1964.

Подводя в заключении итоги, Ф. Тиннефельд объясняет своеобразие критики императоров в византийской историографии спецификой исторических условий: социальной мобильностью, богословскими разногласиями, конфликтом между «консервативно-догматической ограниченностью и просвещенной терпимостью», сознанием превосходства империи ромеев над другими государствами, антагонизмом столицы и государства (стр. 189—190). В неспособности византийцев к абстрагированию в области истории кроется, по Ф. Тиннефельду, причина конкретности критики: она не выходит за рамки порицания отдельных императоров, не поднимается до критики системы, и лишь Никита Хониат приближается к этому (стр. 190).

Книга Ф. Тиннефельда, несомненно, успех западногерманского византиниста. Она восполняет собой заметный пробел в византиноведении, но значение ее не только в обращении к новой тематике, важен самый подход к решению проблемы: попытка выявления социального момента в критике императоров. В выдвигании на первый план социальных мотивов нельзя не заметить влияния советской историографии. Кстати сказать, автор хорошо знаком с работами различных советских историков: А. П. Дьяконова, М. В. Левченко, М. Я. Сюзюмова. Более того, многократно цитируемые статьи А. П. Каждана о византийской историографии X—XI вв. оказали влияние и на постановку вопроса в соответствующих разделах монографии. На характере главы об историках периода иконоборчества сказалось влияние статьи К. Н. Успенского². Однако неизученность проблемы, с одной стороны, и широта хронологического охвата—с другой, неизбежно влекут за собой некоторые пропуски, неточности в оценках и характеристиках. Нашими наблюдениями в связи с избранной Ф. Тиннефельдом темой мы и хотели бы здесь поделиться.

Для более подробного анализа мы избрали главу об историографии эпохи иконоборчества. Выбор наш не случаен, он определен следующими соображениями: во-первых, пристальным, как нам кажется, вниманием самого автора к этому периоду (ему в монографии отведено больше всего места), и во-вторых, тем обстоятельством, что по новизне используемой научной литературы (мы имеем в виду исследование, посвященное «Хронографии» Феофана) именно этот раздел занимает едва ли не последнее место в работе Ф. Тиннефельда. Статья К. Н. Успенского, на которую византинист часто ссылается (стр. 60—65, 67, 69, 72), хотя и появилась в печати в начале 50-х годов, написана все же до 1917 г.

Выясняя причины негативной характеристики императора Маврикия (582—602) Феофаном (сообщения о конфликтах между василевсом и армией), Ф. Тиннефельд ставит вопрос таким образом: если в «Истории» Феофилакта Симокатты (основном источнике «Хронографии» для этого времени) Маврикий представлен в благоприятном свете, то чем вызвано отклонение Феофана от позитивной оценки Симокатты? Причину тому ученый видит в тенденциозности другого, не использованного Феофилактом и не дошедшего до нас источника, который был привлечен Феофаном. О существовании такого источника писал еще О. Адамек³, и Ф. Тиннефельд ссылается на его статью (стр. 56, прим. 136, 137). Это неизвестное сочинение было, по-видимому, составлено в оппозиционных Маврикию армейских кругах (стр. 56—57).

Исследователь останавливается на этом, и он впряме так поступать, но перед читателем встает вопрос, в чем мотивы критики Маврикия компилятором, ибо использование оппозиционного Маврикию источника в оценке императора — это проявление критического отношения Феофана к василевсу. При создании компилятивной части «Хронографии» в этом, да и не только в этом, случае Феофан имел дело с памятниками противоположной политической направленности, но что определяло выбор тенденции хронистом? Вопрос можно было бы оставить без ответа лишь при условии трактовки несамостоятельной части «Хронографии» как механического соединения идейно и политически разнородных первоисточников, но это, в свою очередь, требует проведения исследования, от которого отказывается Ф. Тиннефельд, а именно — нужно проследить работу Феофана-компилятора над сохранившимися оригиналами.

Едва ли к достоинствам книги можно отнести пропуски в анализе критики Феофаном режима Юстиниана II (685—695 и 705—711). Между тем этот император по враждебности к нему хрониста с успехом может соперничать с ненавистным Феофану императорами-иконоборцами или Никифором I (802—811), и ограничиваться здесь критикой внешней политики, как сделано в монографии (стр. 58—59), не стоило бы. Практически у Ф. Тиннефельда опущено все, что касается возвращения на престол и второго правления Юстиниана, хотя рассказ именно об этом периоде богаче и разнообразнее по содержанию и форме критических высказываний историка. Ничем не прикрывается осуждение Феофаном жестокости василевса. Юстиниан жесток, наказывая своих противников, ему и в голову не приходит пощадить кого-либо из них по возвращении в Константинополь; Юстиниан жесток, наказывая жителей Херсона и помня о попытке херсонитов выдать его Тиберию Апсимуру (698—705); даже гибель послан-

² К. Н. Успенский. Очерки по истории иконоборческого движения в Византийской империи в VIII—IX вв. Феофан и его Хронография. — ВВ, III, 1950, стр. 396—438; IV, 1951, стр. 211—262.

³ О. Адамек. Beiträge zur Geschichte des byzantinischen Kaisers Mauricius. Sonderabdr. aus d. Bericht. d. Gymn. Graz, 1890.

ного им в Херсон ромейского флота не пробуждает сострадания у императора. Важна также и характеристика взаимоотношений Юстиниана с варварами: болгарами и хазарами. В письме хазарского кагана Юстиниану (вопрос о подлинности или ложности которого, кстати сказать, небезынтересен в связи с выявлением побуждений Феофана) без труда улавливается неприязнь автора послания к своему адресату. Наконец, тем же целям служит сообщение о реакции встретивших Юстиниана бранью константинопольцев на возвращение в столицу некогда свергнутого императора⁴.

Далее, отнесение Феофаном удач Льва III (717—741) и Константина V (741—775) в войнах с арабами и болгарами за счет вмешательства бога трактуется Ф. Тиннефельдом как стремление хрониста развенчать успехи военной политики императоров-иконоборцев (стр. 65—66). Думается, что ключ к правильному пониманию того, как освещаются эти события в «Хронографии», — не в желании Феофана преуменьшить роль побед, одержанных Исаврами, а в христианском мировоззрении автора, воспринимающего происходящее как волю божию. Недаром возвращающийся из победоносного похода василевс следовал в триумфальном шествии за колесницей, на которой везли икону богородицы, как бы давая понять тем самым, что действительная заслуга принадлежит не ему, а заступничеству святой девы. С литературным воплощением адекватного понятия мы и сталкиваемся, скорее всего, в «Хронографии». Ту же мысль мы встречаем и в повествовании о походе Никифора I в 811 г. на болгар. Окрыленный удачным началом кампании Никифор, по словам хрониста, приписал победу не богу, а удачливости и мудрости своего сына Ставракия⁵, чем, вполне понятно, вызвал недовольство Феофана. Этот пример любопытен также и тем, что Феофану нет нужды скрашивать здесь успех похода, и без того окончившегося разгромом ромеев и гибелью императора. Кроме того, объяснить успешность военной политики Льва III и Константина V божественным предопределением значит метафизически снять возиющее для средневекового историографа противоречие: нечестивый император творит благие дела.

Наряду с этим не следует забывать и о том, что повествование о правлении иконоборцев развертывается на широком историческом фоне, так что события царствования Льва III и Константина V невольно воспринимались в сравнении, и сравнение это (мы имеем в виду внешнюю политику) было явно в пользу гонителей православия. Достаточно вспомнить поражения Византии в войнах с болгарами при Никифоре I и Михаиле I (811—813), которые представляют собой контраст к сравнительно стабильному положению при первых Исаврах.

И еще одна деталь. Феофан, разумеется, субъективный при характеристике Льва III и Константина V, в изложении фактов, нам кажется, довольно объективен. Критическое отношение к Константину V не мешает ему сообщать такие подробности, которые сами по себе свидетельствуют о популярности Копронима в армии, о небывалой славе его как победоносного полководца. Спустя более десяти лет после смерти Константина армия все еще остается верной «ереси своего учителя», т. е. покойного императора, и разгоняет собор иконопочитателей, созванный Ириной (797—802) по требованию патриарха Тарасия (784—806)⁶. Прошло около 40 лет со смерти Константина V, а в Константинополе еще ходят легенды о победах василевса над болгарами, а после поражения 813 г. в войне с ними константинопольцы устремляются к могиле преданного уже анафеме императора, призывая его восстать из гроба и отправиться на болгар⁷.

Представление об искажении Феофаном военных успехов Льва III и Константина V иллюстрируется у Ф. Тиннефельда сравнением с аналогичными фрагментами в «Бревиарии» Никифора. Слов нет, сопоставление с «Бревиарием» в ряде случаев продуктивно, но, когда речь заходит о военной политике Исаврийской династии, положение дел меняется и вот почему. «Бревиарий» был создан, вероятно, до 787 г., Феофан же писал «Хронографию» где-то между 810 и 814 гг.; за это время многое изменилось в политической ситуации, и если Феофану победы первых императоров-иконоборцев виделись сквозь поражения Никифора I и Михаила I, то сочинение будущего патриарха лишено такой исторической перспективы. Поэтому сравнение с «Бревиарием» возможно лишь при известных оговорках.

Заканчивая, хотелось бы еще раз подчеркнуть и важность затронутой Ф. Тиннефельдом темы, и плодотворность подхода к ее решению, и, наконец, фундаментальное знание автором историографии, в том числе советской.

И. С. Чичуров

⁴ История возвращения Юстинианом II престола и расправы с херсонитами обстоятельно изложена Феофаном. См.: Theophanis Chronographia rec. C. de Boor, v. I, Lipsiae, 1883, 372.26—375.28, 377.22—380.8.

⁵ Ibid., 490.18—19.

⁶ Ibid., 461—462.

⁷ Ibid., 501.3—12.